

Наталья ЖИЛЯНИНА

**Записки конника,
или
Быть кентавром**

**Новокузнецк
2017**

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Наталья ЖИЛЯНИНА

Записки конника,
или
Быть кентавром

Новокузнецк
2017

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
Ж 72

ЖИЛЯНИНА Наталья Александровна

Записки конника, или Быть кентавром / Наталья Жилинина ; Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2017. – 40 с. : портр., ил.

©Наталья Жилинина

ЖИЛЯНИНА Наталья Александровна родилась в г. Прага в семье военного офицера. Семья часто переезжала. Москва, Украина, Германия, Алтай. В Новокузнецке живёт с 1999 года. Работает учителем русского языка и литературы.

В КЛФ «Контакт» пришла в мае 2009 года. Первая публикация – стихотворная пародия на знатока литературы «А судьи кто? За стёклами очков...» – в газете «Звезда Алтая» 11 февраля 1999 г. В 2014 году малым тиражом вышла книжка Н. А. Жилининой – повесть «Ваш собеседник». Книжка рассказов «Неспящая» – в 2015 году.

Фото Яны Гусаковой

І. Сокол

Человеку свойственно мечтать, но проблема в том, что некоторые мечты сбываются. Я и лошади – это вообще наглядная иллюстрация поговорки «охота пуше неволи». Не обладая ни природной храбростью, ни соответствующей физической подготовкой, я однажды всё-таки взяла и залезла на лошадь, воплощая мечту десяти- или даже пятнадцатилетней давности. Мечта оказалась на удивление живучей и не отпустила меня ни через два, ни через три года. Конечно, ездить я стала лучше, чем в первый раз. И даже попытала себя на соревнованиях под горделивым названием «манежная езда», главным образом для того, чтобы лишний раз покататься на халяву. И даже получила там какое-то место. Но не имея собственной лошади, я была вынуждена довольствоваться редкими прогулками под присмотром, а это не совсем то, чего так жаждала моя влюбленная в коней душа. Да что там спорить, в какой-то момент я заметила, что в историческом фильме про рыцарей и принцев я смотрю и восхищаюсь не рыцарями и принцами, как полагается любой уважающей себя женщине, а рыцарскими конями, то есть случай мой клинический и, похоже, лечению не поддается.

В конюшне, где я занимаюсь, я давно уже заняла место большее, чем полагается просто ученице или прокатчице. И вот хозяйка снизошла к моим слёзным мольбам и разрешила иногда самой брать коня и кататься на нём, не столько даже для меня, а чтобы некоторые кони не застаивались слишком долго.

Моё ликование было безграничным, но не лишённым сомнений и, даже более того, тихого ужаса. Это же я теперь сама за себя отвечаю... и за коня тоже. Конечно, случиться и раньше могло всякое, но под присмотром инструктора кони ведут себя всё-таки иначе.

И вот этот день настал. Сокол ждёт меня, и я не могу ни есть, ни спать, как перед первым свиданием. Сокол – это раскормленный и разбалованный ленивый чёрный жеребец, любимец публики, и авторитетом я у него не пользуюсь. Каталась на нём всего раза четыре – и без особого восторга для обеих сторон. Но отступить некуда. Или я сейчас зайду, сяду и поеду, или можно собирать вещи, разворачиваться и уходить отсюда совсем.

Когда я зашла в денник, Сокол посмотрел на меня, как благородная девица на гусара: «Ты вообще кто и что тебе от меня нужно?!» Поняла. Сейчас дам яблоко. Теперь можно выводиться и

седлать. Наматывать красивые синие бинты на тонкие чёрные ноги. Задняя пыгается меня лягнуть. Но это мелочи. Самое интересное впереди.

Выходим через ворота, и мой мустанг идёт в противоположную сторону, а на все попытки развернуть его делает вид, что у него туда, куда нам надо, поворачивается только голова, в крайнем случае, соглашается идти задом. Я же, как наивная девочка, слеую за ним, то есть на нём, пытаюсь найти место, где ему будет удобно развернуться. Через десять минут препирательств мой конь наконец-то повёрнут в нужном направлении и даже с ленцой переставляет ноги. Своим надменным видом он даст фору любому рыцарю.

Другое зло, подстерегающее меня на дороге, – это машины, которые появляются всегда на самом узком участке, и мне приходится гнать упрямого коня в сугроб, а он не хочет и пытается проташить меня мимо машины, пытаюсь снести зеркала и чуть не наступая на колеса.

Но вот мы в парке. Почти. Начинается истоптанная сотнями копыт тропинка, солнышко клонится всё ниже, снег блестит, птички, то есть вороны, поют, и моя исстрадавшаяся за дорогу сюда душа расправляет крылья. Преждевременно. Сокол не хочет ступать на тропинку. Он снова пятится и пугает меня, почти вставая на дыбы и тихонько рыча. Я начинаю бояться всерьёз, что эта прогулка так и не состоится. Сзади едет машина. Они явно любят открывшимся зрелищем, и, возможно, это и сыграло мне на руку. Сокол смутился, прикинулся обычной прокатской лошастью и ступил-таки на нужную тропку.

Он даже прошёл один круг по парку лёгкой рысью, явно делая мне великое одолжение и красуясь перед встречными лыжниками и пешеходами. Настроение лошади легко наблюдать по ушам. Направлены вперёд – внимание и заинтересованность, повёрнуты назад и прижаты – нужно ждать какой-нибудь пакости. Когда работаешь с лошадьми, через некоторое время начинаешь слышать их мысли. И эти мысли далеко не всегда оказываются лестными для всадника. Поэтому я стараюсь не доставлять им неудобства. Стыдно болтаться на спине другого существа, как мешок картошки, а это существо, хоть и не имеет вид на жительство, но имеет своё мнение. У Сокола имеется не просто мнение, его самомнение зашкаливает. Будь он человеком, близко бы к такому типу не подошла. Но у него четыре ноги, грива и хвост, и за это я прощаю ему всё, рассказываю, какой он замечательный, почти объясняюсь в любви. И хвалю-хвалю-хвалю. Вообще-то и похвалить есть за что. Когда у меня просто на ходу отвалилось стремя, он встал, как вкопанный, стоило только попросить. И честно ждал, когда я всё подтяну и поправлю. А ведь мог бы воспользоваться случаем и избавиться от обузы. Но, подозреваю, что ему так неинтересно. Этот конь получает моральное удовлетворение от моей неуверенности и беспомощности.

Сокол умница, мы наконец-то снова идём вперёд, а не стоим и не перетягиваем повод, как было после первого круга. Ничего себе, ты даже рысью можешь бегать, ну прямо мой герой на сегодня. Через сорок минут таких излияний в моём голосе невольно стали проскальзывать нотки сарказма, и коню это явно не понравилось. Он снова встал, заявляя всем своим видом: «А будете ругаться, вообще никуда не пойду». Мне очень хотелось присвоить ему звание «Почетный осёл года», но произнести это вслух я поостереглась.

Зато обратная дорога прошла легко и гладко. «Его лошадка, дом почуяв, несётся рысью как-нибудь». Истинная правда. Несётся, почти теряя подковы, как только сообразил, что уже домой.

А я весь оставшийся день хожу, как после первого свидания и понимаю, что несмотря на страх, который каждый раз нужно преодолевать, снова получила свою порцию счастья, и за это не жалко ни потраченных нервов, ни яблок. Наверное, звание «почетный осёл года» я заслуживаю больше, чем Сокол. И снова жду-не дождусь того момента, когда можно будет, забыв все проблемы и комплексы, оставив позади всю респектабельность и амбиции, умчаться галопом по полю от дурного настроения, косых взглядов и фальшивых улыбок, и наконец-то ощутить величие и простоту бытия.

II. Браслет

Если жеребца можно было бы назвать мужчиной в самом расцвете сил, то Браслет целиком и полностью заслуживает это звание. В нашей конюшне он самый брутальный, удивительного каштанового цвета и так переливается на солнышке, что можно залюбоваться. Когда-то Женя, мой первый инструктор здесь, помогая мне влезть на Браслета, рассказывала, что у рыжих коней самый вредный и непредсказуемый характер, и приводила множество примеров. Конечно, она слегка красовалась, потому что опытный тренер никогда не упустит момент слегка поиздеваться над новичком. За все годы я прошла множество проверок на прочность и выдержку и худо-бедно научилась отделять рациональные зерна смысла от пустой бравады.

Самое сложное при работе с Браслетом – войти в его стойло, почистить этого коня и собрать для прогулки. Он будет прижимать уши, грозно бить копытом и вообще всячески изображать из себя дикого мустанга. Если на человека всё это не производит особого впечатления, то можно садиться и ехать, дальше конь будет себя хорошо вести... если в хорошем настроении. Браслет он только для чужих, для своих он Бася, а если в дурном настроении, то Бабася. Именно от него можно ожидать этих самых загадочных «козлов»,

выражаясь терминологией конников. Поскольку я ещё не испытала «козлов» на себе, то безотчетно боюсь каждый раз, садясь на Басю и доказывая ему, что и сегодня я всё ещё главная.

Бася самый хитрый. И глаза у него самые выразительные. Это он додумался на прогулке резко натягивать повод, а потом останавливаться, делая вид, что это я его остановила. Причём этот трюк он проделывал три раза подряд. А ещё он очень любит вытягивать повод из рук, делает это резко, так, что чуть не выдёргивает из седла. В последнее время я оставляю повод свободным, Бася некоторое время ещё пытается недоумённо дёргать головой, но бодаться не с кем, и тогда удовольствие от прогулки мы получаем вместе, потому что у него самый лёгкий галоп, самая лучшая маневренность и самая быстрая реакция на малейшие движения всадника.

Когда-то, пока его не купили в нашу конюшню, он был тощим и несчастным созданием с гниющими копытами и без особых перспектив. Но теперь отъелся, ощутил себя лидером, выучил много нового и вредничает всюю, совершенно не считая себя кому-то чем-то обязанным.

Считается, что лошади помнят только последние три секунды, поэтому и наказывать, и поощрять их нужно непосредственно при работе. Я в это не верю. Но поняла за это время: лошадь не знает, что такое благодарность. Она просто лошадь, и всё. И это самое замечательное. Раньше я привозила яблоки и ожидала, что за это меня не станут сбрасывать в пыль или в снег. Меня особо и не сбрасывали. Падала я два раза с Браслета сама, по своей неуклюжести. Первый раз в манеже, сама не понимаю, почему. Второй раз, когда только начала ездить галопом: сначала потеряла стремя, потом самообладание, потом потерялась сама. Оба раза конь застывал как вкопанный, чтобы не ударить копытом меня, валяющуюся почти под его ногами. Но яблоки здесь не причём. И благодарность тоже.

Это мы должны быть им благодарными, что хоть кто-то в этой вселенной соглашается нас терпеть, возить и требует за это только яблоки или морковку. Лошадь может убить человека, но не предать. Её нельзя связать понятиями долга, чести или стыда, нельзя заставить любить или делать вид. Нельзя встроить в нашу во многом лицемерную систему ценностей. Мы даже в самых близких отношениях всё время ведём учёт, кто кому и что должен. Что должны дети родителям или родители детям, чем обязаны любящие друг другу. Мы должны, потому что не умеем любить по-настоящему, не умеем жертвовать. Самые лучшие из нас умеют жертвовать жизнью, но не своим временем, принципами, вниманием или гордостью. А лошади – это представители другого народа. Они не могут быть должными и благодарными, но им можно без опаски отдать своё сердце, потому что верный конь всегда отдаст больше, не считая, не выменивая и не требуя ничего в ответ.

III. Силвер-Рейн

Это значит «серебряный дождь». Он очень красивый, светло-серый. По шее и бокам разбросаны мелкие, серо-коричневые пятнышки, как гречка. Орловский рысак, самый крупный и мощный из наших коней. Конечно, для особо приближённых он «Силя», «Силёк», или даже «Силантий». Силя самый добрый и послушный. Он никогда никого не пугает специально, не встает в «свечу», не «козлит», то есть не вскидывает круп, чтобы сбросить всадника. Эта добрая конская душа никогда и в мыслях ничего не имеет дурного по отношению к людям, как бы неуклюже, грубо и непрофессионально ни вёл себя восседающий сверху.

Но Силя тоже опасен. Опасен своей детской непосредственностью и невероятной силой и прытью. Это конь, который любит бегать, и этим сказано всё. При этом в зависимости от настроения он в любой момент может вытянуть шею и будто сказать: «Ну, пойдём туда! Ну и что, что ты не хочешь, ну пойдё-о-о-м!» Хорошо, если сделает он это на рыси, а не на галопе. В терминологии конников это называется «расташить». Расташить может в принципе любой конь, личность которого не убили совсем кнутом и железом. Сокол делает это вредно и подло, потому что бегать не любит: «Ах, тебе нужен галоп? Ну, держись, сейчас будет тебе галоп!» Браслет горяч по темпераменту, и, если вошёл в азарт скачки, тормозной путь у него будет довольно длинным. А Силя, добрый и наивный, как ребёнок, просто импульсивен. Ему вдруг захотелось поест сена, и он мчится напрямик домой, думая только об этом. Если он давно не бегал, то тренировка с ним требует огромных усилий. В этом коне как будто скрыта невидимая пружина, которая выстреливает, стоит отпустить поводья. Он не разбирает дороги, как другие, по льду, по грязи, по глубокому снегу мчится с одинаковым энтузиазмом, как вездеход. На крупной рыси, если его не сдерживать, Силвер может обойти любого коня, бегущего галопом. Ветер свистит в ушах, глаза слезятся. А его галоп больше похож на разгон перед взлётом. Когда кажется, что это уже предел, он вдруг начинает бежать ещё быстрее. И я понимаю, что в любую минуту могу потерять контроль над ситуацией, конь только и ждёт, чтобы вытянуть шею и, не обращая внимания на удила, унести меня на край света до самой двери своего стойла. Именно Силя виноват в том, что я стала адреналинницей в том возрасте, когда уже сложно ожидать этого от приличного с виду человека.

На Силе я участвовала в соревнованиях и изучила его лучше, чем остальных. Последовательность манежной езды он запомнил быстрее меня. Он научился мгновенно останавливаться, нарезать по манежу

круги и змейки, почти незаметно переходить в шаг с рыси и обратно. Я чувствовала, что ему нравится работать, что мы меняемся, станем единым целым, тем самым мифическим кентавром.

Верховая езда – это то, чему можно учиться всю жизнь. Этому стоит учиться всю жизнь, не жалея потраченного времени и сил. И совсем не важно, будут ли это соревнования международного класса или прогулки в полях, как у меня. Поначалу мне было неловко, что я испытываю этот непонятный восторг, восхищение, даже эйфорию, когда смотрю на лошадей, катаюсь на них, чищу или кормлю. И недавно я поняла, что эта болезнь неизлечима и заразна, и я такая не одна. Нас довольно много, больных на всю голову, неудержимых, падающих, но и летающих, при этом невероятно, невозможно, неприлично счастливых конников.

IV. Лошадиные отношения

Лошади умеют читать мысли. Ещё год назад я бы в это ни за что не поверила. Я не собираю адептов нового культа разумной лошади и не утверждаю, что они думают именно на русском языке. Но это факт, в котором мне довелось убедиться на практике. Все три коня, на которых я катаюсь, стоит мысленно их позвать, сразу же поворачивают в мою сторону уши или голову и всем своим видом демонстрируют внимание. Проверяю это на каждой прогулке. Совпадение исключено. Ни разу не было, чтобы они не откликнулись. Поэтому та самая мифическая связь, воспетая в фильме «Аватар», всё-таки существует. Однако главному герою было всё же чем-то проще. Стоило переплести свою косу с гривой инопланетной лошади, и её разум готов был подчиняться. У нас на земле всё иначе. До коллективного разума, до единства ещё нужно дорасти. И путь этот лежит не через разум, а через сердце. Почему-то лошадь порой чувствует человека намного лучше, чем человек человека. От неё невозможно скрыть раздражение или депрессию. Да и не нужно. Потому что как только я оказываюсь рядом с лошастью, всё раздражение и депрессия просто испаряются.

Когда говорят, что все лошади добрые, умные, благородные и во всех смыслах замечательные, – не верьте. Наглая ложь. Они все совершенно разные. И отношения, в которые попадает человек, общаясь с лошастью, тоже будут разные.

Понять и осознать эти отношения можно только, если гуляешь с лошастью в одиночестве. Если рядом едет кто-то ещё, то помех слишком много. Лошадь лучше слушается, когда идёт за другой лошастью и повторяет все её движения и смены аллюров. Всадники тоже общаются, поэтому разобраться, слушает твоя лошадь тебя или просто идёт за всеми, непросто.

Сокол только недавно начал как-то откликаться на мои попытки подружиться. Он начал поворачивать голову в мою сторону, когда прихожу на конюшню, стал откликаться на просьбы идти рысью, шагом или галопом и прекратил в парке строить из себя статую воплощённого упрямства и вставать на дыбы. В целом его отношение ко мне – это милостивое любопытство. Конечно, без яблок дело не обошлось.

Силвер понял, что я люблю быструю езду и перестал сдерживаться. На его широкой рыси ветер свистит у меня в ушах, как будто еду на поезде на крыше вагона. Такое чувство, что на каждой новой прогулке он бежит ещё быстрее, чем в прошлый раз. Если бы он покатал меня так года два назад, то не берусь даже предположить, чем бы это всё закончилось. Ещё Силия каждый раз пытается утащить меня в сторону конюшни, а я ему не даю это сделать. Сначала я боялась и относилась к этому очень серьёзно. Морально готовилась и очень радовалась, что победила. Теперь думаю, что он просто так со мной играет. Остановить этого коня, если он не захочет, не хватит никаких сил, тем более моих сил, поэтому давлу ему на совесть. Совесть просыпается примерно через пятьдесят метров, и мы возвращаемся на маршрут.

И с Силвером, и с Соколом я чувствую себя старшей. Не столько даже главной, до главной ещё не доросла, сколько именно старшей. Они как будто принимают то, что я отвечаю за наш тандем. С рыжим Браслетом всё совсем по-другому. В конюшне Бася любит пошалить, попугать, топаёт ногами и щёлкает зубами, когда его начинают чистить. Он самый молодой из жеребцов и самый темпераментный, однако по отношению ко мне ведёт себя, как дядюшка, которому доверили погулять с маленькой девочкой.

Когда мы идём на прогулку вдвоём, он предельно собран и зорко глядит по сторонам и на дорожку впереди, чтобы никто вдруг не выскочил и нас не съел. Серьёзность и ответственность исходит от него почти ощутимыми волнами, и я правда чувствую себя маленькой девочкой с большим конём, которой нечего бояться даже в самом тёмном лесу. Он слушается меня с полужеста, но не потому что боится, и не потому что в беспрекословном послушании и почтении, а просто соглашается исполнить просьбу. С ним я могу спокойно бросить поводья на рыси, раскинуть руки в сторону и потренироваться в равновесии. Могу даже закрыть глаза. Недавно я по ошибке повернула в парке не на ту дорожку, по которой мы обычно гуляли. Я подумала: куда же теперь? Конь развернулся на 90 градусов вправо и полез через сугробы, проваливаясь по грудь, пока мы не вышли на правильный путь.

Когда я только начинала с ним знакомиться, Бася постоянно тянул повод у меня из рук, резко дёргая головой вперёд, а я постоянно теряла равновесие и заваливалась ему на шею. Сейчас он так не делает, потому

что тянуть нечего и некуда. Повод висит свободно и достаточно движения кончиков пальцев, чтобы управлять движением этого коня.

Связь, которая устанавливается между лошадью и человеком, – совершенно особого рода. Этому нет и не может быть ничего подобного. Если бы мне пришлось описать в нескольких словах, что мне даёт общение с лошадьми, сейчас я уже не затруднилась бы с ответом. С ними я чувствую себя живой.

V. Креста, или Торжество гравитации

Лошади умеют читать мысли, но это не означает, что они согласны с этими мыслями. Наглядное подтверждение этому – Креста. Самая первая лошадь Ани, хозяйки конюшни, когда-то была выкуплена ею и спасена от мясокомбината. Содержалась она в таких плохих условиях, что несколько лет после спасения Аня откармливала её геркулесом. Сорванный лошадиный желудок не мог усваивать более грубую пищу. Креста подлечилась, отъелась и обнаглела окончательно и бесповоротно. С людьми она живёт по принципу: «Кто не умеет ездить, ездить не будет». По сравнению с ней Сокол может считаться образцом благонаравия и послушания.

И вот это чудо досталось мне на очередную прогулку. Села я на неё в третий раз в жизни. Два первых раза мы друг другу уже не понравились, но активных действий по физическому или моральному уничтожению меня лошадка тогда не предпринимала.

Проинструктированная старшими товарищами, я твёрдо решила соответствовать стандартам этой лошади и держаться с ней со всей строгостью, на какую была способна. Старожилы нашей конюшни уверяли, что стоит только «правильно» на неё сесть и «правильно» взять поводья, лошадка станет как шёлковая и никаких пакостей делать не станет.

Я зашла в денник и начала её чистить. В соседнем стойле рыжий Браслет начал бить копытом так, как будто сейчас проломит пол. Он как будто кричал мне мысленно: зачем ты зашла к этой корове? Иди лучше меня почисти и погуляем. Если бы я могла его послушать...

Чистка и сборка закончены. Я посмотрела на Кресту. Креста посмотрела на меня. А ты вообще ездить умеешь? А ты уверена? Умею. Уверена. Ладно.

Дорога до парка была умеренно стрессовой для нас обеих. Я даже уговорила коняшку пройти около стоящей на дороге машины, после того как водитель выключил двигатель. Надо сказать, что хлыстик или прутик как средство, вызывающее уважение у большинства конской

братии, на Кресту не действует совсем. Если она не хочет идти, то будто каменеет, ни поводом, ни пятками я не могу сдвинуть её даже на миллиметр, даже заставить повернуть голову.

Но через определённое время мы всё-таки пришли в парк. Первая рысь далась не без труда, но легче, чем в прошлый раз. Я воспряла духом, продолжила свои эксперименты по лошадиной телепатии. Креста внимательно меня слушала. Солнышко светило, снег таял, весна в парке активно притворялась весной в лесу, и при определённой доле воображения можно было представить себе любые романтические приключения. Воображения у меня хватает. Но приключения ждали совсем не романтические.

Мы зашли на вторую рысь. Креста встала. На все попытки сдвинуть её с места она пяtilась и намекала, что идти надо в другую сторону. Я настаивала на своём. Внезапно лошадка прыгнула в сторону и пошла галопом по снегу. Спина её выгнулась, как у кошки, все четыре ноги одновременно спружинили в прыжке. «Теперь я знаю, что такое "козлы"», – успела подумать я перед тем, как сползти с седла вправо и приложиться правым боком о землю. Повод я упустила, и свободная лошадь пошла носиться галопом кругами, явно забирая в сторону конюшни. Я уверена, что где-то в глубине души она злорадно хихикала. А я встала и заковыляла пешком в ту же сторону. Говорят, что при падении всадник испытывает досаду и чувство унижения. Клянусь, я испытывала радость от того, что все кости целы, снег пока ещё мягкий и по мне даже не топтались ногами. Это был первый раз в жизни, когда лошадь сознательно избавилась от меня.

Пока я шла по следам галопирующей по льду кобылы, в мозгу созрел коварный план. Упавший всадник просто обязан как можно скорее снова сесть на непокорную лошадь и продолжить то, что он делал до того, как упал. И я решила, что покатаюсь на Кресте в манеже. Там бежать особо некуда, и мне не так страшно.

Уже подходя к конюшне, я встретила девчонок, которые пошли меня искать, потому что Креста уже примчалась, довольная и запыхавшаяся, залезла в стойло Сокола и начала есть его сено.

Я снова залезла на эту хулиганку, и начала кружить по манежу. Даже не думай ещё раз так сделать! – сказала я лошади. Она и не думала до поры до времени. После нескольких кругов рыси, пары вольтов и одной смены направления, Креста выдала бешеный галоп на месте и два «козла» подряд. Я держалась до последнего. Помню только резкий толчок, на миг реальность предстала мне в каком-то странном ракурсе, невесомое ощущение полёта, и я, сделав в воздухе эффектное сальто над лошадиной мордой, оказалась

лежащей на спине. Спасибо Кресте, она не стала меня добивать и ушла в сторону.

Адреналиновый шок очень быстро поставил меня на ноги. Сложнее всего далось решение снова влезть в седло. Креста так опешила от моей наглости, что почти смирилась, и даже позволила сделать несколько кругов по манежу, после чего мы расстались, недовольные друг другом, но хотя бы сохранив моё лицо – и в переносном, и в буквальном смысле.

Теперь я должна ещё и торт. Есть такая добрая традиция, что упавший всадник в следующий раз обязательно приносит на конюшню торт и угощает всех коллег. Платит штраф или празднует чудесное спасение – это уже кому как больше нравится.

Не могу сказать, что я не сяду на эту лошадь больше никогда, но общения друг с другом нам теперь хватит надолго.

Когда я завела Кресту в стойло, нос к носу столкнулась с Браслетом, которого как раз сейчас вывели почистить. Он покосился на меня укоризненно.

– Бася, ты такой хороший, ты никогда не делаешь, как она, – пожаловалась я коню.

– Делает, – уверенно сказал кто-то рядом со мной.

И тогда я преисполнилась такой благодарности, что Бася ни разу специально меня не ронял, что отдала рыжему все приготовленные для Кресты яблоки.

VI. Сказ о том, как рыжий конь по мостику ходил

Прошло лето, отпуск, и я наконец-то снова вернулась к своим любимым коням. Снова стало отчаянно страшно и одновременно досадно из-за этого страха. На первой прогулке мы ехали четвером друг за другом, и на моих глазах Браслет грубо уронил сидевшую на нём девушку практически под копыта моему коню. Силвер успел уйти в сторону, но настроение было испорчено. Естественно, я боялась. Боялась, когда на следующий день сама садилась на рыжего. Надо сказать, что наши отношения изменились. Раньше он напоминал доброго дядюшку, которому доверили погулять маленькую девочку. Теперь – то ли девочка выросла, то ли он освоился или обнаглел, но Браслет стал проявлять свой норов, и расслабиться с ним, как раньше, почему-то не получается. Он может резко на галопе прыгнуть вправо, потом сразу же влево, и его мало интересует, как я себя при этом чувствую. Единственный выход – ловить момент, когда пакостная мысль только зарождается в лошадиной голове.

Весной я снова с него свалилась один раз, и пару раз еле смогла удержаться в последний момент. Проанализировав все случаи, я поняла причины. Когда мы скачем галопом, то это именно «мы». И я всегда на шаг впереди, ощупываю взглядом каждый бугор или камень на дороге, чувствую, куда конь поставит ноги, чувствую работу его мышц, думаю за него. Но стоит мне отвлечься, расслабиться, – он же конь, сам перескочит через эту ямку, что он бегать не умеет что ли? – и всё, предоставленный сам себе Браслет теряет, а потом начинает делать всё, что его конской душе угодно, не считаясь со мной. И это особенность именно Баси, другие ведут себя иначе. Силвер, например, начинает спотыкаться на каждом шагу, если я пытаюсь думать за него, а Сокол всё равно делает только то, что хочет сам.

Но рассказ мой про мостик. Мостик этот железный, и через него проходит единственная дорога в парк. Кованные копыта по железу издают просто непередаваемый звук. Все кони в разной степени нервничают, переходя через мостик в парк. Иногда даже отказываются идти, и приходится спешиваться и переводить их под уздцы или в поводу. Но при этом всегда идут сами, если возвращаются на конюшню из парка. Когда мы подходим к мостику вместе с Соколом, он останавливается, я говорю: «Сокол, пойдём через мостик, в парке трава вкусная». И он идёт, можете не верить. Если не скажу так, то не пойдёт. Браслет мостик не любит больше остальных, первую половину пути он проходит поувереннее, но когда на звон копыт по железу накладывается многочисленное эхо и мостик гудит, рыжий конь теряет самообладание и оставшуюся часть пролетает в смятении, почти переходя на рысь. Теряет устойчивость, начинает скользить и паникует от этого ещё больше.

Когда я в очередной раз приехала на конюшню, чтобы погулять с Браслетом, первое, что мне сказала Аня: «У Браслета проблема с мостом. Два дня назад он там упал, девочка не удержала поводьями его голову, и он чуть не скатился в овраг. Теперь Браслет не хочет идти туда».

Ангелина, которая ходила с ним в прокат, рассказала, как двадцать минут танцевала с Басей перед мостом, тащила его, орала, пыталась загнать прутом (Бася очень боится прутика), и даже вслед за Соколом Бася на мостик не пошёл.

– Ладно, посмотрим, – сдержанно сказала я, втайне преисполнившись надежды, что смогу его перевести. Я же не буду орать и прутом, я пока просто положу в сумку пару яблочек. Потому что если не смогу проехать в парк, галоп придётся делать на поляне, а на поляне кочки и ямки, и боюсь уже я. Вот и определим, кто боится больше или у кого упрямота больше.

То, что с Браслетом явно что-то не так, было понятно с первого взгляда. Бася не кусался, не пинался, не пытался оттеснить меня к стене денника, и даже безропотно дал почистить себе копыта. Яблочки он ел, но с совершенно несчастным видом. И даже когда я садилась на него, он безропотно стоял, хотя самое любимое его развлечение – это быстро пойти вперёд, когда всадник ещё только вставил одну ногу в стремя. Теперь я всерьёз обеспокоилась.

Ещё задолго до мостика рыжий несколько раз останавливался, вздыхал и молча спрашивал меня: «Ну, может, не надо? А?» Перед поворотом на мост он снова встал, подумал немного и пошёл вперёд, но почти сразу же вновь остановился. Я безропотно спешилась, взяла повод и пошла впереди него. Рыжий двинулся, но подойдя вплотную к железному полотну, встал намертво. Он не брыкался, не рычал, не бегал кругами, как у Ангелины накануне, но стоял и смотрел так отчаянно, что жалко его было почти до слёз. Я достала яблоко и начала заманивать его на мостик. Яблоко не помогло. Было видно, что Браслет и сам очень хочет со мной пойти, но как только его копыто стучало по железу, конь отходил на два шага назад. Так мы перетягивали повод минут десять.

Почему он всё-таки перешёл мостик вслед за мной, я до сих пор не знаю. Явно не из-за яблока. Знаю только про себя, что морально готова была простоять там хоть два часа, но сдвинуть его с места. И дело здесь не в победе, а в том, что если его страх и нежелание переходить мост войдёт в привычку и закрепится, то это будет проблема совсем другого масштаба. Я не могла позволить себе отступить.

Прогулка прошла хорошо. Бася немного воспрял духом, даже начал упрячиться в обычной своей манере «я сегодня осёл и никуда не пойду, ослы два круга галопом не бегают», но этим меня уже не впечатлить, поэтому галоп мы сделали всё-таки два круга.

Через полтора часа мы снова оказались перед злополучным мостиком. Браслет вёл себя очень храбро, он хотел домой и очень старался. Когда передние копыта соскакивали по железу, нервы рыжего снова не выдержали. И мне вновь пришлось переводить его в поводу, но за мной Браслет пошёл уже спокойно и уверенно, как и подобает лидеру-жеребцу.

Падение для лошади совсем не то же, что для человека. Единственное, в чём конь может быть уверен, это его ноги. Они унесут от волков, отпинают обидчиков, приведут домой к вкусной еде. Если ноги вдруг разъехались в разные стороны и перестали держать даже на краткий миг – это катастрофа, потрясение всех основ лошадиного мироздания. Поэтому Браслет не скоро отважится ступить сам на опасную поверхность, но то, что он хотя бы идёт туда за человеком, уже говорит о многом.

VII. Бэтмен: начало

Мы познакомились весной. Однажды я приехала на конюшню и обнаружила нового обитателя, нервно нарезающего круги по деннику. Помесь рысака и вятской породы, Бэтмен просто огромный по сравнению с остальными нашими конями. Эту разницу можно отдалённо представить, если поставить рядом меня и моего бывшего тренера по пауэр-лифтингу Валеру, который в свободное время развлекается тем, что поднимает и переворачивает колеса от белаза. Бэтмен жеребец, и после его появления Браслету пришлось потесниться и занять второе место в конюшенной иерархии. Бася, конечно, не теряет надежды взять реванш и на каждой прогулке теперь доказывает, что и бегаёт он быстрее, чем Бэтмен, и вообще круче во всех отношениях.

Бэтмен сразу всем понравился. Он не кусается, не пинается, очень любит со всеми целоваться и обниматься. Этаким «зайчик» весом в 600 килограммов. Сначала на нём ездила только Аня и рассказывала любопытные подробности: что этот конь боится наступать в лужи, совершенно непредсказуем в поведении и может понести в галоп просто при виде крупного пенька необычного вида.

Немудрено, что народ стал его побаиваться. Ангелина некоторое время наотрез отказывалась брать Бэтмена в прокаты.

Я в первый раз на него села в манеже весной, ещё до отпуска. В управлении Бэтмен оказался очень сложным, он совершенно отказывался делать то, о чём я его просила, даже перейти с шага на рысь. Аня ругалась, что я заваливаюсь вперёд и излишне дёргаю поводья. Поэтому я эффектно на нём сфотографировалась и отошла с чувством разочарования. Тем более Аня сказала, что мне пока рано на нём ездить. Что же, рано так рано, вон сколько других замечательных стоит.

Когда лето закончилось, Аня снова посадила меня на Бэтмена: один раз провела тренировку сама, потом как-то сказала мне погулять с ним на поляне, поездить только рысью, без галопа. Я была предельно собрана и ожидала всего, чего угодно. Но конь вёл себя на удивление мирно, слушался и не преподносил никаких сюрпризов. Я постепенно привыкала к его мощной и тряской рыси. Один раз он почти сорвался в галоп, когда прямо из-под копыт внезапно выскочила кошка, но сразу же затормозился и успокоился. Проверку на лошадиную телепатию он тоже прошёл прекрасно. Я чувствовала связь и понимала, как надо им управлять, с какой силой натягивать поводья, какие импульсы посылать ногами.

Потом наступил день, когда мне пришла от Ани смс-ка следующего содержания: «Сегодня Бэтмен в твоём полном распоряжении. Можете позаниматься в манеже, можете идти в парк. Если в парк, то сделаете

галоп». В первые минуты мне стало дурно от страха. Я уже знала, что поеду в парк (не люблю заниматься в манеже, и кони это тоже не любят), и что там меня ждёт Великое Неизведанное. Чтобы как-то это Великое изведать, запросила от Ани подробных инструкций, что делать с конём на галопе, чего от него ждать и чего бояться. Инструкции были получены, но легче не стало. Вот зачем я, спрашивается, всё время сама себя «на слабо» беру? Заняться больше нечем, что ли?

В конюшне супер-конь встретил меня хорошо, съел половину яблочек. Вторую половину пообещала ему отдать, когда (если) он привезёт меня обратно в том же виде и со всеми целыми конечностями. Бэтмен тоже рыжий, но другого оттенка, чем Браслет, ближе к светло-коричневому с соломенного цвета густой гривой и хвостом. На лбу белая стрелка, взгляд наивный и чистый, как у младенца. Не любит давать копыта для чистки. Приходится долго уговаривать, но к этому я привычна. Лошади воспитали во мне упрямство, которое, наложившись на мою природную упёртость, даёт в некоторых случаях положительный результат, как это ни странно.

Когда я села на коня и проехала пару десятков метров в сторону парка, всё внезапно встало на свои места, и сердце перестало колотиться, и пришло какое-то озарение: когда я смотрю на мир с высоты этого жеребца, то просто не имею права быть слабой или неуверенной. Нельзя давать ему команды, имея хоть тень сомнения в том, что он их немедленно выполнит. Он телепат, как и все представители этого народа, и прочитает на раз всю мою беспомощность и трусость. Значит, долой сомнения и да здравствует путь, который я пройду к сердцу этого коня. Потому что я хочу этого всем своим существом и не позволю, чтобы страх, самое низменное из человеческих чувств, отравил мне этот сияющий день и всю дальнейшую жизнь.

VIII. Бэтмен vs Супер-Я

В тот день, когда я в первый раз полноценно работала с Бэтменом, солнце светило почти по-летнему, а падающие листья добавляли тихого очарования окружающему миру. Мой конь вёл себя не то чтобы идеально, но мы справлялись друг с другом. Несколько раз Бэт пытался утащить меня в конюшню, но каждый раз я останавливала его легко, про себя недоумевая, что же такого страшного и сложного в этом коне, если даже Аня относится к нему так серьёзно. Силвер когда-то на заре нашей дружбы потащил с такой силой, что подвывихнутый палец на левой руке болел два месяца. И тогда победа осталась за мной. Сокол бросался вскачь, почти выдёргивая из рук

повод, вставал в свечу, скидывал меня со спины себе на шею и вёл себя намного агрессивнее. Что же все так носятся с этим Бэтменом? Ну, потянул немного в сторону, но сразу же вернулся на маршрут.

Самый сложный момент был после второго круга галопом, когда я расслабилась и вообразила, что полностью контролирую ситуацию. Бэтмен внезапно закинул голову в сторону, повернул под углом девяносто градусов и недвусмысленно решил удрать домой. Я потеряла сразу оба стремени, изо всех сил натянула поводья, и, чувствуя, что сама уже на пределе, во всю мощь лёгких рывкнула на коня. Он устыдился, остановился, потом развернулся и потрусил в нужном направлении.

Когда мы вернулись на конюшню, у меня дрожали от перенапряжения руки и ноги. Казалось, что сама проскакала без остановок три круга галопом по парку. Ни одна тренировка никогда не отнимала столько сил. Но всё это компенсировалось таким пьянящим чувством моей невероятной крутизны, что даже голова слегка кружилась.

Естественно, я вообразила, что Бэтмен показал мне всё, на что он способен, и я даже хвастливо написала Ане, что могу с ним справиться и больше не боюсь. Оказалось, бояться нужно начинать тогда, когда ничего уже не боишься. Примерно неделю я ходила в этом эйфорическом состоянии и убеждённости, что теперь могу ездить практически на любом коне, по крайней мере в нашей конюшне. Тем более что в последнее время Браслет вёл себя со мной прилично, а Силвер и Сокол вообще идеально. Причислив Бэтмена к списку моих личных побед и заслуг, я окончательно вознеслась, а переведя Браслета через железный мостик, вообще уверилась в своих недюжинных талантах и чуть ли не в избранности. Ну и что, что Ангелина здесь работает, с ней Браслет через мост не пошёл. И вообще, как это так могло быть, что Силвер протащил Иру галопом с поляны аж до самой конюшни? Значит, она не сопротивлялась и просто на нём ехала. Со мной такой номер уж точно не пройдёт, ведь я же знаю про себя, что буду сопротивляться до последнего, и мой натиск ни один конь не выдержит, сдастся всё равно чуть раньше или чуть позже. Я, конечно, могу упасть с лошади, но точно не стану тащиться на ней до самого стойла: или упаду, или остановлю.

У меня хватало ума не высказывать эти соображения вслух, да и мысли тоже старалась гасить по возможности. Что-то уже тогда подсказывало, что лететь с таких высот на грешную землю может быть больно. Но гордыня – это такая гадость, что если поселяется в сердце человека, ничем её оттуда не вытравишь, даже вполне всё осознавая. Копытом выбить можно.

В этот день я снова получила от Ани задание ехать с Бэтменом в парк. Ещё на этапе сборов какой-то вредный отголосок на задворках сознания твердил, что не всё так гладко, как мне представляется. Я

заметила, что повод по-другому пристёгнут к трензелю, а значит, давление поводьев будет намного меньше, чем раньше, но решила не обращать на это внимания: раз пристегнули по-другому, значит так надо. Потом выяснилось, что сделали это для работы в манеже, и никому бы в голову не пришло выезжать на Бэтмене так в парк. Но это лишь попытка оправдать мою неудачу внешними обстоятельствами, сомневаюсь, что ситуация сильно бы изменилась, будь уздечка Бэтмена в тот день собрана по-другому. Я очень старательно затянула и несколько раз проверила подпругу, как оказалось, не зря.

До парка Бэтик шёл вяло и неохотно, всё время забирал влево ближе к кустам, несколько раз останавливался и будто спрашивал: а оно мне надо? Ты вообще кто? И где Аня? И где все? Почему мы одни? Но так было и раньше, я не переживала и старательно объясняла коню, что меня Аня попросила с ним погулять, что я его не украла и не гоню его в лес к волкам на съедение, и что за тем кустиком ничего страшного нет, а справа железная дорога и по ней иногда ходят поезда, и это нормально.

Догопали мы до парка и даже сделали первую рысь. Вторую рысь я решила делать на футбольном поле, чтобы подготовиться к грядущим соревнованиям по манежной езде и отработать схему. Моя схема включает два вольта, серпантин, восьмёрку, несколько разных перемен направления, переходы шаг-рысь и обратно, остановку на рыси и подъём коня в рысь из остановки. Все элементы нужно выполнять чётко, чтобы взаимодействие всадника и лошади было как можно более незаметным. Бэтмен особого энтузиазма не проявлял, но схему отработал добросовестно. Уже на второй рыси я заметила, что он «думает» в сторону дома, и старательно его держала.

Перед галопом лошадь должна хорошо пошагать. И вот здесь я расслабилась и допустила роковую оплошность. Бэтмен шагает с горки и всё ускоряется, я пытаюсь собрать поводья, он уже бежит рысью, мотает головой и всем своим видом сообщает, что сил его больше нет это терпеть. От безысходности я направляю коня мордой к колючим кустам, чтобы создать препятствие и остановить, но он отворачивает голову, и продирает через кусты меня. Начинается галоп, не тот лёгкий манежный галоп, который я всегда выполняла очень осторожно с полным контролем поводьев, а дикий неукротимый бег по пересечённой местности, такие сцены иногда показывают в кино. Первая моя мысль: «Теперь понятно, почему Ира мчалась до самой конюшни». И вторая мысль: «Как бы сойти с этого транспорта?» Но проще выпрыгнуть из поезда на полном ходу. Я приказываю себе сопротивляться до последнего, как хотела когда-то, но мои 60 килограммов против 600 бэтменовских совершенно бесполезны, а на

все попытки натянуть поводья конь упрямо вытягивает шею, грозя выдернуть меня из седла. Мы мчимся к воротам парка, пересекаем автомобильную дорогу, которая к счастью сейчас пуста. На кочке меня подкидывает вверх с такой силой, что мысленно я уже осталась где-то далеко позади, хотя продолжаю каким-то чудом сидеть в седле и что-то кричу коню. Бесплезно. Этот телепат сейчас пребывает в своём мире. Спасибо, что хоть не скидывает. Впереди железный мост. Метров за десять до него мой мустанг переходит наконец-то на рысь и останавливается, часто дыша и спрашивая: ну и что ты теперь сделаешь?

А что я сделаю? Я разверну тебя обратно в парк и буду всю дорогу выносить мозг на тему, как должны вести себя порядочные жеребцы. Конь слушает, но остается при своём мнении. Зачем мы идём в парк? Правильно. Делать галоп. Медленный спокойный галоп. Но Бэтмен сейчас не в том духе, чтобы делать что-либо медленно и спокойно, он разгоняется со скоростью БМВ, на этот раз в другую сторону, и мы снова летим. До меня наконец-то доходит, что делаю что-то не то. С огромным трудом торможу свой транспорт. Соображаю, как поступить дальше. Экспериментов с галопом больше не хочется. Ничего. Мы же вернулись в парк. Мы больше не будем бегать. Мы сейчас тихо и чинно пройдем кружок и пойдём шагом домой. И так я сохранила своё лицо и авторитет.

Понемногу успокаиваюсь. Ну, растащил, ну бывает. Вот оно как, оказывается, бывает. Всё уже позади. Вот и поворот домой. Бэтмен, мы идём домой. Бэтмен, тише, не надо, мы и так идём домой! Бэтмен, мы не бежим, мы идём домой!

Но мы всё-таки бежим. И в первый раз мы, оказывается, бежали ещё медленно. Всегда втайне мечтала поскакать не манежным, а быстрым галопом, самым быстрым, каким только можно. Ну, вот и ещё одна идиотская мечта сбылась. Сейчас я не так напугана, как в первый раз, я чувствую скорее досаду, понимаю, что проиграла на всех фронтах и больше мы сегодня в парк не вернёмся, не хватит у меня духу, чтобы повторить всё это ещё раз. Сейчас я начинаю думать немножко вперёд. Бэтмен здесь очень неровно, ты ноги переломашь! Стой, здесь машина может поехать! А, вот она, уже родная кочка, надо её перепрыгнуть вместе с конём, а не отдельно. А вот лужа и скользкая грязь, ты же сейчас навернёшься, если не затормозишь. Бэтмен, да ты большой на всю голову!

Ужас накатил, когда я осознала, что конь не собирается тормозить перед мостом, как в прошлый раз. Сейчас я понимаю, почему. Он решил, что, если остановится, я снова смогу отправить его в парк. Опять сама во всем виновата. Железный мост мы пролетели рысью. Не дав мне опомниться, жеребец снова заскакал во весь опор по каменистой

дороге. Второй раз мне стало страшно, когда я поняла, что он вообще не собирается тормозить до самой конюшни. Протащить меня зигзагами на всём скаку через кусты по узкой тропинке мимо автодрома, промчатся по асфальту и под углом девяносто градусов влететь во двор – я никогда не думала, что такое вообще возможно. Вернее, что такое возможно для коня, я даже не сомневалась, но никогда не верила, что сама в состоянии выдержать такую скачку: или остановлю, или упаду?

Страх, даже не страх, а какой-то эмоциональный откат пришёл после. А если бы по дороге ехала машина? А если бы мы упали на мосту? И внутренне содрогаясь от этих мыслей, отчётливо представляя, как я лежу где-нибудь в кустах со сломанной шеей (воображение у меня богатое), я всё равно понимаю, что не брошу это по своей воле. Что я снова приеду, и сяду, и пошлю коня в галоп. А если брошу, если здравый смысл победит, то вряд ли когда-либо испытаю такое счастье. Другое, наверное, испытаю, а такое – никогда.

У лошадей много неоченимых достоинств. Например, мне не нужно им рассказывать типы логических аргументов или историю славянской письменности. Но главное – они помогают мне открыть в себе какого-то другого человека, о существовании которого я даже не подозревала. И пусть этот новый человек далеко не идеал, мне самой он нравится намного больше, чем прежний.

IX. Соревнования

На моём столе стоит декоративная фигурка лошади. Она поселилась здесь с того самого памятного дня, который принёс мне очень много радости и новый бесценный опыт общения с моими непарнокопытными друзьями.

Самое интересное и захватывающее в соревнованиях – это не радость победы, не волнение перед выступлением и даже не само выступление. Самое интересное для меня – это наблюдение за участниками, причём четвероногие участники дают больше интересных впечатлений, чем двуногие.

В этот раз законы Мерфи действовали в полную силу, поэтому готовились к манежной езде мы в сухом и чистом манеже под ярким осенним солнышком, а выступали в грязи и под дождём.

Желающих участвовать в соревнованиях в трёх возрастных группах набралось человек двадцать из двух конных клубов, на второй этап – спортивное ориентирование – записались восемь участников. А коней участвовало всего шесть. То, что один конь может выступать несколько раз с разными всадниками – это стандартная практика,

которую я наблюдала даже в конкурных соревнованиях более серьёзного уровня. Соответственно, перед соревнованиями мы сами решали, кто будет с кем выступать. Когда зашёл вопрос о выборе коня для меня, я сказала Ане, что поеду на том, кто будет меньше всего загружен, кого не захотят выбирать остальные. Я люблю всех и работаю со всеми, кроме разве что Кресты (после того незабываемого полёта я так на неё и не садилась). Аня сказала, что, скорее всего, мне достанется Браслет.

К подготовке я отнеслась довольно легкомысленно. Погода была отличная, и больше хотелось погулять в парке, чем накручивать круги по манежу. Схему свою я выучила наизусть довольно быстро, но не видела особых причин терроризировать этим коня. Это же Бася, если он слушается в парке (почти слушается, споры по поводу количества кругов галопа не в счет), то уж в манеже-то я смогу проехать на нём несколько элементов, сделать остановку и поднять в рысь. Так я думала. Попробовала один раз проехать схему манежной езды в парке на футбольном поле. Рыжий возмутился и не понимал, почему на таком огромном пространстве, где можно бежать в любую сторону, его заставляют ходить по маленькому кругу. Я смирилась и махнула рукой на всю эту подготовку. То Браслет был занят, то манеж был занят (все участники активно готовились), то занята работой была я. Таким образом, до соревнований оставалось меньше недели, а мы даже и не начинали готовиться всерьёз.

Когда я наконец-то договорилась занять манеж на полтора часа, почистила Браслета и стала выводить его из денника, рыжий понял, куда я его сейчас поведу и довольно настойчиво стал звать меня в парк, в противоположную сторону. Оказавшись всё-таки в итоге в манеже, он наотрез отказался идти рысью. Так отвратительно я не ездила очень давно. Все круги были неправильной формы, петли серпантина разными по размеру, даже диагональ вышла кривой, как дуга лука, – и всё это, не считая того, что мой темпераментный конь почти всё время плёлся вялым шагом, как замордованная деревенская кляча. Я пыталась на него строжиться, но основная проблема была в том, что внутри я была с ним совершенно согласна: какого лешего заниматься всей этой ерундой, когда можно поехать в парк и поскакать там галопом, пока дорога сухая?

Пришла Аня, посмотрела на наши мучения, села на Браслета сама, подняла его всё-таки в рысь, немного поругалась с ним, потом слезла и сказала, что он немного устал. В следующий раз было примерно то же самое. Причём самые разные люди при мне садились на Басю, и их он слушался. Я же поднимала его в рысь только минуты через три препирательств и пинков. Обидно было очень. Но ещё больше было его жалко. Потому что чем ближе к заветному дню, тем хуже

становилась погода и тем меньше смысла я видела во всём этом действе. Апофеозом подготовки стал день накануне соревнований, когда мы тренировались под проливным дождём. В этот день к нашим тренировкам наконец-то присоединились участники из соседнего клуба. В нашей конюшне стало очень тесно, оживлённо и весело. Вместо привычных осла и пони, которых перевели в другое место, в денниках стояли три новых лошади: Орхидея, Грация и жеребец Зобар.

Конечно, Браслет бегал уже лучше, и элементы схемы у нас получались уже более правильными, но у меня по-прежнему не было уверенности, что он поднимется в рысь на моём выступлении. Я много шутила о том, что наше место будет первым с конца, мысленно настраивалась позориться по полной программе, утешала себя тем, что я уже большая девочка, и не корову же проигрываю, в самом-то деле.

На следующее утро я запаслась килограммом яблок и, скрепя сердце, поехала на конюшню. Бася был в более раздражённом, чем обычно, настроении. Он бурно реагировал на жеребца Зобара в соседнем деннике, поэтому всю ночь был привязан. Теперь рядом с ним крутились пять человек: чистили, расчёсывали, заплетали косички, а он пытался укусить всё, до чего мог дотянуться. Я сказала Браслету, что он всё равно самый лучший и самый любимый, дала несколько яблочек и вышла после того, как он прихватил меня зубами за куртку.

Потом была разминка, во время которой всех коней вывели в манеж, и мы ездили друг за другом сначала шагом, а потом рысью. Грязь в манеже взбили копытами за это время до состояния густого киселя. Я была на Браслете. В рысь он поднялся терпимо, почти сразу, но заметно нервничал от присутствия незнакомых коней. Как самый горячий жеребец да ещё и хозяин здесь он шёл в круге первым. Сокол, Силвер, Зобар, Орхидея и Грация бежали за ним, но Бася бежал быстрее всех, хоть я и сдерживала его, поэтому периодически он становился последним и бурно возмущался по этому поводу. Чтобы не потерять контроль над ситуацией я заводила его на круг в центре манежа, чтобы у остальных было время нас догнать. А за оградой уже всю собиравшись зрители. Было очень холодно, небо время от времени проливалось небольшим морозящим дождем, но по сравнению со вчерашней погодой сегодня была отличной.

Особенно интересно было смотреть выступления детей. Самому младшему участнику исполнилось шесть. Он ехал на Соколе, а я смотрела и молча восхищалась этим конём, который ступает очень осторожно и слушается всадника, ноги которого даже не достают до стремян.

Выступала я в числе последних, в старшей возрастной группе 18+. Аня сказала мне перед выполнением схемы проехать два круга рысью

по манежу, чтобы разогреть Браслета. Думаю, хватило бы и одного круга. Не знаю, что произошло в сознании рыжего, но как только я села на него, сразу же почувствовала тот всегда недостающий в наших тренировках импульс. Он бежал. Бежал и не собирался останавливаться без моей команды. Он выполнил всё идеально точно, как никогда не делал на тренировках. А моё сознание в этот момент совершенно очистилось от лишних мыслей, планов и сомнений. Я думала только о том, чтобы не забыть схему, чтобы направлять моего коня, не задирать руки высоко и держать спину прямо.

Победил в манежной езде Браслет. Он занял три первых места во всех возрастных группах, принеся победу своим наездникам. Почему-то мне кажется, что ему тоже было приятно. И дело здесь не в угощении, которое он получил в награду от участников. Лошади моментально считают эмоциональное состояние человека. И самое приятное для них чувство – это чувство благодарности, сопричастности, единения, которое испытывает сидящий сверху человек, если, конечно, конь не замучен, не голоден, и относительно здоров. Позднее в этот день был ещё один случай, который утвердил меня в этой мысли.

А дальше был второй этап соревнований: спортивное ориентирование на местности. У каждого участника была карта парковой зоны с отмеченными точками, которые необходимо объехать в любом порядке за максимально короткое время. На точках были расставлены люди с карточками. Всего девять точек, девять карточек-букв, из которых складывается слово «кавалерия». Стартуют участники с промежутком в пять минут, чтобы не устраивать скачки и не мешать друг другу. Оставшиеся ждут своей очереди на точке старта и активно мёрзнут, потому что дело близится к вечеру и осень намекает, что зима уже не за горами. Три первых коня вместе со своими наездниками скрылись за деревьями. Карина собирается стартовать на Соколе. Яна даёт отмашку, секундомер включен. Сокол делает первые шаги, Карина высылает его в рысь. А дальше мы наблюдаем, как девушка падает, а чёрный конь стрелой летит через поля в направлении своего дома. Это было потрясающе красиво. Надо сказать, что Карина отделалась лёгким испугом, а через три минуты Ане позвонили и сообщили, что беглец благополучно добрался до конюшни.

Почему он так сделал? Уж точно не потому, что он тупая скотина. Сокол самый старший из наших жеребцов, есть в нём что-то эпическое. Мне всегда хочется вставить ему в гриву перо и назвать Великий вождь Большой Птиц. Я думаю, он послал нас всех лесом со всеми нашими соревнованиями просто потому, что Карина была уже обижена на него после манежной езды. Она была недовольна результатом и даже расплакалась. А потом в парке взвинченный до предела всеми

этими переживаниями вокруг своей персоны и повышенным вниманием конь просто дал волю своим нервам.

Через несколько дней после соревнований я гуляла с Соколом в парке. Ангелина предупредила, что он почти не бегал с самых соревнований и может хорошо «растакшиться», выражаясь жаргоном конников. Я, конечно, боялась, поэтому сказала вороному перед выходом, что если он будет выделываться, то больше не получит овса, будет одно сено жевать (есть такая практика воспитания у нас). Может, конечно, и угроза подействовала. Но думаю, что всё-таки больше эмоциональный настрой. Было видно, что у Сокола временами закрадывается мысль выкинуть что-нибудь этакое, но осенний день был так светел и нежен, запах опавшей листвы так сладок и горек одновременно, а я так преисполнена чувства восхищения и благодарности, что конь успокоился и расслабился вместе со мной, и мы делали галоп в парке – именно тот лёгкий, в меру стремительный, но совершенно спокойный и безопасный галоп, о котором я просила чёрного коня.

Но вернёмся к соревнованиям. Я стартовала на Браслете предпоследней. Ира тоже участвовала в ориентировании на нём, и, передавая мне поводья, посоветовала держать его крепче, потому что рыжий чуть не удрал в сторону дома вслед за Соколом, помчался следом галопом, и Ира еле смогла его остановить и даже не стала объезжать все точки и собирать все фишки. После этого случая, когда я гуляла вместе с Ангелиной – я на Браслете, она на Соколе – Бася, который шёл первым, на каждом кругу останавливался и не двигался с места, пока не убеждался, что Сокол по-прежнему идёт за нами, а не сбежал домой.

Я села на Браслета. Немного боялась, потому что не чувствую в себе ни особых сил, ни особого умения, чтобы справиться с конём, когда он взвинчен или напуган. Но сев в седло, сразу же поняла, что это по-прежнему мой родной Бася, который голоден и устал, и очень хочет домой, но согласен делать то, что я прошу, но давай сделаем это побыстрее, ладно? – говорили его уши. Карту и все точки на ней я за время ожидания выучила практически наизусть, маршрут проложила, поэтому всю дорогу занималась тем, что уговаривала Браслета быть осторожнее и не очень торопиться. Он махал гривой, как будто говорил: не бойсь, прорвёмся; и уверенно скакал по кочкам и сырой от дождя траве. Один раз на мокрой глине он поскользнулся, и мы чуть не легли там же. По времени Бася пришел вторым.

Почему Браслет отказывался со мной нормально тренироваться, я до сих пор только догадываюсь. Подозреваю, что призывать вести себя по-человечески – это не самое умное, что можно сказать коню. Подозреваю, что Бася и начал вести себя со мной по-человечески, то

есть проявлять свои желания и характер, потому что только я позволяю ему подобные вольности. Но я и дальше буду поступать так же глупо, потому что не могу воспринимать его иначе, потому что вижу, что конь думает, чувствует и действует в большинстве случаев не по закону своих инстинктов, но по закону любви.

Х. Эмир

Несколько лет назад я пришла в конный клуб. За это время я узнала всех коней, с кем-то подружилась, с кем-то не очень. И вот тут-то и должна была начаться благословенная рутинка. Я всех знаю и никого уже не боюсь. Но не тут-то было. За довольно короткое время Аня купила ещё трёх новых коней, и я снова еду в конюшню с чувством лёгкой адреналиновой взвинченности: а кого мне в этот раз дадут? А если это будет... о ужас!

Первым был Бэтмен, о котором уже говорилось выше. Он появился весной. А осенью конюшня пополнилась ещё тремя новыми жильцами. Кобыла с полугодовалым жеребёнком. Её имя заслуживает особого внимания. Обычно имя жеребёнку дают на ту букву, на которую начинается имя его матери. Мама Баллада – дети Боско и Брусника. Это традиция, которую можно выполнить, а можно и нарушить. Так вот мать нашей кобылы звали Лада. Как назвали дочь? Правильно. Калина. Я ещё не имела счастья на ней кататься, но Ангелина говорит, что «Лада Калина» полностью оправдывает своё наименование. Я только не совсем поняла эмоциональный оттенок её сарказма, лошадка вроде бы хорошая.

Но настоящий взрыв эмоций я получила, когда, приехав в прошлый раз, узнала, что мне предстоит ехать на Эмире. Эмир – полутяжеловоз, но при взгляде на него приставка «полу-» как-то теряет свой смысл. Бэтмен когда-то казался мне большим конём, да что там, когда-то ещё раньше мне Силвер казался большим конём. Эмир не просто крупный конь. Я не могу дотянуться до кончиков его ушей, даже когда встаю на цыпочки. Он рыжий с белой стрелкой на морде и светлой гривой. Чёлка торчит между ушами, короткая и пушистая, как у жеребёнка и придаёт этому коню самый добродушный и наивный вид. Ещё он самый молодой. Ему только шесть лет. И самый контактный конь из всех, которых я видела. Он с большим удовольствием со всеми знакомится, не кусается, без проблем даёт ноги для чистки копыт (если бы такого размера коник отказался давать ноги, это была бы действительно проблема, потому что одна его нога весит примерно, как я целиком).

Не скажу, что я сильно его боюсь, но дух перехватило. Во-первых, он занимался раньше больше тем, что возил молоко на тележке. Во-вторых, он сейчас в первый раз пойдёт в парк через железный мостик. В-третьих, он сейчас пойдёт в первый раз вместе с двумя другими конями. В-четвёртых, мы пойдём вдоль железной дороги, а никто пока не может сказать, как этот конь реагирует на поезда. В-пятых, если я свалюсь с Эмира и потеряю повод, и он сбежит, то, скорее всего, отправится не в нашу конюшню, в которой всего неделю, а напрямик в Карлык к себе домой, и как ловить его в этом случае – непонятно.

Я вывела Эмира из конюшни и обнаружила, что стремя находится примерно на уровне моих глаз. Цепляясь за обе луки седла, вскарабкалась на него, как на перекладину, и поняла, что с такой высоты ещё не обзревала окрестности. Бэтмен, идущий впереди, оказался на голову ниже. Мой скакун вёл себя вполне адекватно и мирно. Самым сложным было спешиваться и снова забираться в седло. Через железный мост Эмир перешёл без особых проблем, но на полусогнутых ногах, а когда мы подошли к окончанию железного полотна, конь зачем-то сделал прыжок вместо того, чтобы просто переступить. Когда мы возвращались обратно, он снова прыгнул сначала на мостик, а потом с мостика. Аня с Ангелиной дружно пришли к выводу, что если так пойдёт дальше, злополучный мостик не выдержит.

Прогулка прошла хорошо. Эмир был готов учиться и с любопытством воспринимал всё новое. Тревожно стало, когда он поехал своими нековаными копытами по сырой глине и чуть не сел при переходе через канаву, но это мелочи, на которые в конце концов перестаёшь обращать внимание. Он не сбросил меня и не убежал в Карлык, не испугался товарного поезда, спокойно реагировал на других лошадей, хотя Бэтмен всю дорогу злобно косился ушами в его сторону и даже смирный Силвер вдруг вообразил себя боевым конём. Не знаю, насколько аккуратно Эмир возил раньше молоко, но у меня к нему претензий в этом плане не возникло. Тихая мирная прогулка под осенним дождём, на которой удалось обойтись без экстрима и неожиданностей и которая оставила в сердце ощущение душевного мира и правильности бытия.

Когда мы уже вернулись, и я скармливала Эмиру заслуженные яблоки, то внезапно поймала на себе полный негодования взгляд Браслета. Он так смотрел в щели между досок, что мне стало стыдно непонятно почему. Я протянула пару яблочек Басе, но он отказался их брать. Возможно, я всё это себе придумываю, но сердце подсказывает, что, когда приеду в следующий раз, меня ждёт очень непростой разговор с выяснением отношений.

XI. Зима пришла внезапно...

Первый снег выпал уже в начале октября, да так и остался лежать, чем поверг в недоумение большую часть жителей Сибири. Никакого месяца на раздумья и слякоть, даже льда на дорогах практически не было. Как же я радовалась поначалу, выводя Браслета из конюшни и протаптывая первые тропинки в парке. Сейчас мы немного натопчем, а потом будем скакать галопом по идеально ровной и нескользкой дорожке. Радовалась примерно недели три. Потому что снега становилось всё больше, добавился постоянный ветер, тропку порой заметало так, что пройдя круг по парку, мы уже не могли найти собственные следы.

Кроме парка, у нас есть ещё одна постоянная площадка для прогулок – так называемые Черёмушки. Это не сама деревня, а заросшая деревьями зона неподалёку от частного сектора, которая неплохо заменяет нам дремучий лес. Идти туда нужно дорогой, проходящей мимо парка, около реки, переходя через глубокую канаву, которая во время дождей заполняется водой. Сокол по осени умудрился в этой канаве искупаться. Прямо с седлом и сидящей на нём Ирой.

Я со своим топографическим кренинизмом запомнила дорогу туда далеко не с первого раза. Но запомнив и съездив туда пару раз, искренне полюбила это место. Круг получается намного больше, чем в парке, грунт более сухой, вода после дождя быстрее впитывается в дёрн, но, самое главное, людей и собак здесь встречаешь значительно меньше. Не то чтобы я стала мизантропом в последнее время, но когда на Сокола в парке начал бросаться крупный далматинец с явно написанным на морде желанием разорвать нас на кусочки, а хозяин стоял рядом и молча восхищался «лошадкой», у меня накопилось несколько претензий к человечеству. Нервы Сокола в тот раз оказались крепче, чем у меня; я, выражаясь фигурально, «спустила всех собак» на подвыпившего хозяина собаки. Браслет как-то сорвался в галоп от кинувшейся за ним овчарки, нам постоянно бросается под копыта какая-нибудь мелочь вроде пекинеса или французского бульдога – в общем, собак на нашем пути я люблю значительно меньше, чем они того заслуживают.

В Черёмушках собак я не встречала ни разу, идеальное место – чтобы почувствовать себя путешественником, расслабиться и просто отдохнуть ото всех и от всего. Но зимой нам приходится делить эту территорию с лыжниками, и мирное сосуществование двух систем часто оказывается под угрозой. Начать с того, что лыжник может спокойно пройти по конской тропке, а конь на лыжне будет проваливаться и чувствовать себя крайне неуютно. Однако постоянные упрёки, что мы «ломаем лыжню», сопровождают нас каждую прогулку. Лыжня чаще

всего прокладывается прямо посредине тропы, и обойти её справа или слева не всегда получается. Лыжников больше, чем нас, поэтому уже к середине декабря они так укатали весь наш круг, что, сунувшись туда один раз, мы зареклись показываться там до весны.

Сугробы в парке становятся всё больше, и мы ходим по ним только шагом, чтобы для тренировки дать коням нагрузку на ноги. Чтобы нормально побегать, нам осталась только автомобильная дорога вдоль парка, но мы и этому рады. Ещё можно проскакать галопом по улице частного сектора, она достаточно длинная и широкая, чтобы чувствовать себя уверенно и не бояться столкнуться с машиной. Местные жители к нам привыкли и не пугаются, когда в очередной раз конь уносит в сторону конюшни благим матом орущего всадника. Надо сказать, что это бывает всё-таки не часто.

Лошади в сугробах ведут себя по-разному. Бэтмен начинает фыркать на каждый шаг, недвусмысленно показывает своё раздражение и норовит пролететь над сугробами рысью, как мифический пегас, совершенно не учитывая своего немалого веса и периодически проваливаясь по самое брюхо. Не так давно Аня отправила меня гулять на Бэтмене. Уходя, он так на неё посмотрел, что стыдно стало мне. Всю дорогу этот конь демонстрировал мне своё возмущение, а узнав, что мы возвращаемся домой не напрямую, а через поляну по сугробам, взвизгнул от возмущения и даже встал на дыбы. Надо сказать, что я ни разу не видела этого коня довольным во время прогулки. Даже с Аней, своей хозяйкой, он не стесняется показывать дурное настроение. Зато какой невинный вид у него в деннике, когда выпрашивает угощение, высунув нос в дырку между досками... Недавно видела в интернете фотографию. Бэтмен стоит в живописной позе, а рядом милая девушка, облокотившись на него и полуобняв, позирует фотографу. Подпись под фото в лучших традициях пасторального жанра. Однако, глядя на коня, я вижу, что он крайне раздражён, и только природное воспитание и чувство такта мешает ему начать кусаться и пинаться. Мысленно он уже давно послал всех лесом вместе с фотографом.

Калина, попадая на неровную тропинку или в сугробы, прикидывается замученной клячей на последнем издыхании. Прознав, что я её жалею, она обнаглела окончательно, и если бы я сама не скакала на ней очень резвым галопом несколько дней назад, поверила бы, что эта лошадь вот-вот падёт подо мной.

Силвер, который все новогодние праздники работал в городе, попав на прогулку со мной, чётко дал понять, как ему осточертели прокаты, и оторвался на мне по полной программе. Уже на предполагаемой второй рыси, он разнёс меня галопом по улице, и я стала тем самым орущим всадником. Поводья выскальзывали из рук, конь мчался во

весь опор, вытянув вперёд шею и пресекая мои слабые попытки его затормозить. Надавить на совесть, как я делаю всегда, в этот раз не получилось. Силя слишком хотел бежать и чем быстрее, тем лучше. Стоящая на обочине девушка посмотрела на меня с любопытством. Доскакав до конюшни, мы развернулись, и, несмотря на моё состояние киселя, вернулись обратно, снова делать галоп, уже не теряя разума и самообладания. Такой счастливой я давно себя не чувствовала.

Отношения с Соколом у меня в последнее время стали просто идеальными. Возможно, он признал меня после того, как летом несколько раз специально ходила в парк и на поляну, чтобы его попасти. Он тогда болел и сильно кашлял. Сейчас с Соколом чувствую себя даже увереннее, чем с Браслетом. Когда ездил на нём в последний раз, вспомнила, что прошёл ровно год, как я впервые отправилась в одиночную прогулку, и моим спутником тогда был именно Сокол. Как же я тогда переживала. А сегодня просто надела на него уздечку и поехала без седла гулять по заснеженному парку.

С Браслетом у нас вышла отдельная история. В начале зимы он меня самым наглым образом сбросил и умчался домой, лишив разом всех иллюзий. Виновата, конечно, опять была я. Сразу было понятно, что он застоялся и вообще не в себе. Почти не слушался, всё время норовил подняться в галоп и рвался домой. Нужно было сразу возвращаться и заниматься с ним в манеже. Но любой опыт в этом деле приобретается чаще всего путём ошибок. После падения у меня несколько дней болели мышцы шеи, но, в общем, отделалась даже не лёгким испугом, а скорее чувством разочарования. Уже через неделю я снова ездил на рыжем, и отношения были восстановлены. В деннике он ведёт себя несравнимо приличнее, чем раньше, даже позволяет себя обнять, хотя явно не понимает, зачем я это делаю. Недавно он меня пнул, когда чистила ему копыта. Думаю, что всё же не специально, а просто показывал характер. «Ну, извини», – виновато сказал он, обнюхивая мою больную коленку. Синяк был грандиозным. С тех пор, если Бася во время чистки начинает бить ногой в пол, показывая, что разнесёт сейчас здесь всё, это всегда нога с противоположной от меня стороны. Сейчас, зимой, он часто застаивается из-за морозов (в морозы бегать нельзя), поэтому с Браслетом нужно всегда быть начеку, улавливать зловредную мысль, когда она ещё только появляется в рыжей голове, и сразу пресекать. Но люблю его при этом не меньше.

Бася лучше всех ходит по сугробам. Он это делает со всей важностью и ответственностью, на которую способен. Когда он переходит дорогу, умиление в моей душе зашкаливает: нас так учили в детском саду – посмотрите налево, посмотрите направо. Проваливаясь даже по брюхо в снег, рыжий не возмущается, а почти выплывает в

сторону дороги. А я со своей стороны хвалю и благодарю его, и поддерживаю в нём эту уверенность, что он выполняет очень важную и необходимую работу. И возвращаемся мы домой, чаще всего очень довольные друг другом и пройденным путём.

Эта зима началась внезапно и принесла с собой много радости. Выходя на конную прогулку даже в мороз, я не боюсь холода, потому что на душе обязательно станет тепло, все печали уйдут, а проблемы станут решаемыми, ведь галопом по снегу можно убежать совершенно от любой беды, а если повезёт, можно оставить позади собственную трусость, лень и гордыню.

ХII. И снова апрель...

Постепенно в свои права вступает весна. С каждым днём сугробы становятся меньше, а солнце напоминает о грядущем лете. Светлое время заметно прибавилось, и я снова могу заезжать на конюшню даже после работы. Наш маршрут в парке стал практически непроходимым. В конце зимы там состоялись соревнования, и в один прекрасный день нашу тропу раскатали под круговую лыжню шириной метров пять. Кони как-то умудряются чувствовать, где была наша дорожка, и ходят по ней шагом, но Бэтмен несколько раз глубоко проваливался, и Аня считает этот маршрут опасным. Осталась автомобильная дорога, и здесь главное – угадать время для тренировки, когда лёд уже подтаял, но ещё не успел окончательно раскваситься.

Браслет – по-прежнему самый любимый и самый вредный. На прошлой неделе чуть не умчал меня самовольно из парка. Я уже изучила его манеру. Он начинает плавно и мягко скакать галопом, потом немного прибавляет, потом прибавляет ещё, и если я ничего не делаю в ответ, наступает тот самый миг, когда я чувствую, что уже не владею ситуацией, а галоп становится просто бешеным. Бася просто захотел домой. Момент очень неприятный – этот переход от собранной и спокойной работы к экстремальному поиску верного решения, чтобы остановить вышедшую из под контроля лошадь. Но, как ни странно, даже такие моменты идут на пользу, когда всё благополучно заканчивается. Заметила, насколько ускоряется моя реакция в таких ситуациях. За доли секунды мозг успевает отследить возможные опасности маршрута, просчитать разные варианты, а тело уже действует почти на автомате. Тогда я рыжего всё-таки остановила, выскочив на нём из ворот парка (к счастью, машин на дороге не было) и оперев мордой в огромный сугроб на парковке. Отругала его и вернула обратно заканчивать работу, но уже адекватно. Замечаю, что он абсолютно всё

понимает, поэтому общаюсь с ним почти как с человеком. Был, например, в нашей практике следующий эпизод.

Галоп по дороге. Зима. Вторая половина дня. Бася снова меня тащит, на этот раз ещё и круп подбрасывает, чтобы мне жизнь мёдом не казалась. Натягиваю поводья.

Я: Бася, я не умею ездить с «козлами». Я же упаду! Что ты творишь?

Рыжий замедляется.

Я: И вообще у меня стремена почти свалились!

Браслет переходит в рысь.

Я поправляю стремена.

Конь снова скачет галопом, уже спокойно.

Ещё Бася терпеть не может, когда на дороге я начинаю с кем-нибудь разговаривать, прижимает уши, заметно ускоряется и, почти переходя в рысь, стремится умчаться меня как можно дальше от этого человека. Когда я задумалась об этом, то вспомнила, что всё началось со стычек с лыжниками и разговоров на повышенных тонах на тему «Не топчите нашу лыжню! – Да не нужна нам ваша лыжня!». Таких эпизодов было всего два на моей памяти, но рыжий запомнил моё взвинченное состояние после этого и теперь на дух не выносит лыжников в любых модификациях и даже с самым дружелюбным выражением лица, а заодно сторонится вообще всех встречных-поперечных.

Больше всего меня радует, что этот конь пускает меня в своё личное пространство, даже без метлы и угроз. Если и показывает свой крутой нрав, то уже скорее просто по привычке. Прижимает уши, щёлкает зубами в сантиметре от руки, но не кусает. Однажды я тренировалась на Силвере, а когда вернулась, не удержалась, и зашла к рыжему поздороваться, уже, естественно, без яблок. Он смирился с отсутствием угощения, дал себя погладить и почесать, вытерпел, пока я стояла, обхватив его за шею и погрузившись в нирвану. А потом понял, что гулять мы с ним сегодня уже не пойдём и натурально обиделся. Нападать не стал, просто повернулся ко мне... да, вот этим самым местом с рыжим хвостом.

Сегодня чудесная погода, но под солнцем ещё минус, поэтому скользко. Мы с Басей топаем в направлении парка. В вопросах выбора дороги я доверяю ему больше, чем себе. Недавно решила всё-таки пройти по нашему кругу, раскатанному под лыжню. Я сразу сказала: «Бася, показывай дорожку, по которой вы ходили вчера». Он показал. Не провалился ни разу.

Сегодня мы пришли, чтобы, если позволит грунт, всё-таки побегать. Браслет в отличном настроении, но когда я пытаюсь поднять

его в рысь, он только слегка ускоряется и продолжает шагом идти по обочине дороги. Я не очень усердствую, потому что он явно не вредничает, просто знает что-то, чего не знаю я. Когда я через пару часов шагала сама по этой же дороге рядом с ним, то два раза чуть не грохнулась прямо под копыта. Лёд, присыпанный снегом, даже не начал таять. Бегать по лыжне я сама не рискнула – если провалимся или упадём, можем сломать чью-нибудь ногу. Даже не знаю, чью ногу мне сломать страшнее, наверное, всё-таки Басину.

Звоню Ане, чтобы проконсультироваться. Она советует побегать по автомобильной парковке, где сама недавно тренировала своего Бэтмена. «Если не получится – шагайте, я потом сама его отработаю на корде, или девчонок на него посажу вечером», – сказала Аня напоследок.

Корда – длинная широкая прочная веревка – выручает нас тогда, когда грунт не позволяет скакать на коне верхом или конь застоялся до такой степени, что на него страшно садиться, но последнее – редкость. Корда прицепляется к трензелю. Человек встает в центре круга, а конь бегаёт по этому кругу, выполняя команды «рысь, шаг и галоп». Обычно вместе с кордой используется шомбарьер – длинный хлыст, который делает команды более внушительными. Конечно, конь должен быть этому обучен, и начинаются тренировки примерно с полугодовалого возраста. Недели три назад я занималась на корде с Каскадом, жеребёнком Калины.

В поисках лучшей жизни мы идём по льду на парковку. Здесь Басе тоже не понравилось. Мне же не понравилась идея, что рыжего будут гонять на корде по кругу, и что это буду не я. Или того хуже, на него ещё кто-то сегодня сядет. Да, знаю, что это ревность, знаю, что это дурость в последней степени, но ничего не могу с собой поделать.

Браслет терпеть не может работу с кордой. В последний раз он воспринял это как наказание, да это, в общем-то, наказанием и было. Он тогда сбросил меня и умчался с поляны на конюшню в совершенно неадекватном состоянии. Аня взяла с собой корду, шомбарьер и Ангелину на подмогу и повела рыжего опять на поляну. Я увязалась следом.

Всё это действие было необходимо для того, чтобы конь выпустил всю свою дурь и растратил лишнюю энергию. Его не били, но заставили скакать галопом по кругу, пока от него не пошёл пар. Возвращалась я тогда уже верхом, хотя коленки ещё тряслись.

И сейчас я понимаю, что работу с кордой он снова воспримет как наказание за то, что отказался со мной бегать. Звоню Ане и выпрашиваю у неё разрешение самой погонять Браслета на корде. По дороге обратно хвалю его и рассказываю, что мы будем дальше делать. Возвращаемся на конюшню, беру корду и шомбарьер. Рыжий плут не даёт на себя влезть, поворачиваясь ко мне всё время правым

боком. Наконец Ангелина придержала коня и помогла мне забраться в седло со всем добром. Хлыст очень длинный и за всё цепляется, свёрнутая корда норовит уехать с седла набок, но мы продвигаемся снова в парк на парковку, хоть и не так уверенно, как в первый раз.

Всю дорогу я рассказываю Басе, какой он умный и хороший и как замечательно он сейчас будет бегать налегке без меня. Насколько помню, на корде рыжий всегда ведёт себя агрессивно, может резко броситься в центр круга, так что шомбарьер нужен с ним больше для самозащиты.

Мы на месте. Я спешиваюсь, заворачиваю повод, чтобы не болтался, пристёгиваю к трензелю конец корды. Слегка толкаю рыжего в бок, чтобы он пошёл от меня на круг. Бася делает вид, что не понимает. Подгоняю его шомбарьером, не касаясь. Сначала шаг, совсем чуть-чуть, потом рысь. Бася два раза сам меняет направление. Может, ищет удобное положение, может, доказывает мне, что он лучше меня знает, как надо бежать и в какую сторону. Я терплю это. Опыта у меня, и правда, маловато. Наконец, конь выбрал направление и вошёл в ритм, вытянув корду на всю длину. Получился круг метров пятнадцать в диаметре. Я стою в центре этого круга и поворачиваюсь вслед за бегущим жеребцом. В какой-то момент кладу хлыст себе под ноги и забываю про него совсем.

Браслет же, вопреки обыкновению, не закладывает уши и не пытается периодически меня затоптать. Он бежит очень ровно, и даже как-то важно, а я стою и громко восхищаюсь его грацией и силой. Рыжая шерсть блестит на солнце, каждая мышца работает с совершенством чётко отлаженного механизма. Говорят, что можно бесконечно смотреть на три вещи: горящий огонь, текущую воду и как кто-то хорошо и с удовольствием работает. Я точно могла бы смотреть бесконечно на бегущего коня. Однако надо не забыть и о времени. Хотя внутренние часы у Баси работают бесперебойно, и он сам никогда не пробежит больше положенных десяти минут на корде. Теперь десять минут шагать. Не стою в центре круга, а шагаю вместе с ним. Может, это и неправильно, но так замечательно идти рядом, чесать ему шею и чувствовать эту связь, которая измеряется вовсе не кордой.

Вторая рысь даётся нам сложнее. У лошади всегда есть любимая и нелюбимая сторона. Браслет с удовольствием бежал против часовой стрелки, сейчас мне нужно отправить его направо. Пытается сам сменить направление – останавливаю и снова посылаю в другую сторону. Работа с лошастью на земле – по-своему захватывающее действие. Средств контроля намного меньше, конь остаётся конём, весит всё те же полтонны, и если это не работа в манеже, степень доверия здесь требуется больше, чем чтобы просто сидеть сверху и командовать поводом. Наконец, и вторая рысь закончилась. Чтобы

заставить рыжего бежать в нужную сторону, я бегу вместе с ним, но по маленькому кругу. Возможно, это тоже неправильно. Но вижу, что Басе это нравится. Перед галопом шагаем пять минут.

Прошлой весной я однажды уговорила Аню научить меня работать с кордой. Мы были в манеже. Первым мне достался Силвер как менее проблемный. Потом я взяла Браслета, но было очень скользко и галоп мы не делали. Сейчас мне предстоит это почувствовать в полевых условиях.

Всё-таки снова беру хлыст. Читала недавно, что хлыст – это вовсе не средство устрашения, лошадь воспринимает его как продолжение руки человека, и именно так нужно им работать. Браслет поднимается в рысь, ускоряется, наконец, идёт лёгким галопом, но не по кругу, а по эллипсоиду, притормаживая в одном и том же месте круга, так что мне снова приходится его подгонять. Разогнавшись через некоторое время, рыжий круто разворачивается и бегом удирает к выходу с парковки. Я кричу на него, почти падаю, понимаю, что сил его остановить у меня просто не хватит, и я сейчас в полной мере почувствую то же, что и преступники, которых в древности привязывали к хвосту лошади и пускали в поле. Но также понимаю, что если выпущу корду, то в лучшем случае он её порвёт, а в худшем – запутается и получит травму. К счастью, рыжий остановился сам. Всё-таки привязана я была не к хвосту его, а к рту, а может, в нём совесть проснулась.

Обратно топаем пешком, потому что сесть в седло вместе с кордой и шомбарьером я не в состоянии, дыхание сбито и подходящих пеньков-подставок-лесенок рядом не наблюдается.

Дойдя до ворот парка, встречаем Аню. С ней Ангелина и ещё пять девчонок на остальных наших конях. Рапортую об относительно успешной работе, отдаю корду и хлыст и, с помощью Ани, взбираюсь на Браслета. Увидев свой табун, Бася резко ускоряется, так что мне приходится натянуть поводья. Выходим на дорожку в сторону дома. Здесь до рыжего дошло, что все пошли работать, а он – домой есть сено. Более довольного конского затылка я не видела в своей жизни.

XIII. Фламенко

Лето благополучно наступило и прошло, принеся с собой много тепла и света. В сентябре мы начали готовиться к очередным соревнованиям. На этот раз Аня решила провести кюр – костюмированную манежную езду. Этот вид езды очень популярен, потому что позволяет не только показать искусство управления конём, но и создать яркий неповторимый образ. Правилами задано определённое количество обязательных элементов и временной интервал выступления. Каждый участник подбирает

музыку и костюм для своего номера. В этот раз к участию готовились три клуба и количество участников было ощутимо больше, чем раньше.

Практически каждая девочка, услышав про соревнования, тут же восклицала: «О, а у меня есть длинное платье!» Я здесь не стала исключением. Кажется, верховая езда в длинном платье имеет для нас что-то архетипическое. Но три десятка принцесс в длинных платьях на манеже – это как-то слишком, поэтому пришлось придумывать образ более оригинальный. Изначально мне был ближе всего древнегреческий стиль: Афина Паллада с копьем и щитом под музыку болеро Равеля (да, я помню, что он француз) или греческий танец сиртаки.

Собрала недоумевающего Браслета, и мы вышли в манеж. Езда в моей категории «Любители» планировалась с галопом. Галоп у рыжего получился почти хорошо, но после занятия он так на меня обиделся, что даже от угощения отказался. К тому же, где за оставшиеся две недели найти что-то отдалённо напоминающее доспех, я даже приблизительно не представляла.

В следующий раз я взяла Сокола и обнаружила, что он совершенно не воспринимает сиртаки, но под испанский танец фламенко танцует почти самозабвенно, и я совершенно спокойно смогу держать поводья одной рукой. А когда он без хлыста поднялся в галоп, решение было принято окончательно. К тому же с костюмом тоже проблем не возникло. Длинная чёрная шифоновая юбка лежит в шкафу с незапамятных времен, а привезённый в подарок дочке из Санкт-Петербурга чёрно-фиолетовый веер придаст образу дополнительную «изюминку».

Конечно, не всё было так гладко, как в первый раз. Погода перед соревнованиями испортилась окончательно, и последняя наша с Соколом тренировка и вовсе проходила в промежутке между двумя дождями, а манеж превратился в одну большую лужу. Но Сокол оправдывал ожидания. Музыка нравилась нам обоим всё больше, и командный дух был на высоте.

День «икс» был назначен на 24 сентября. Температура опустилась до трёх градусов, периодически моросил дождь, пролетали первые снежинки. Накануне в конюшню пригнали трёх лошадей из других клубов: уже знакомого жеребца Зобара, светло-серую кобылу, похожую на нашего Силвера и замечательного толстого пони совершенно шоколадного цвета. Было много детей. Яркость красок и фантазмагоричность образов с избытком компенсировала безрадостность окружающего пейзажа.

Особенно небанальные образы были в двух старших группах: Безумный Шляпник, Харли Квин из «Клуба самоубийц», Даэнерис Бурерождённая из «Игры престолов», Малефисента, Алиса из Страны Чудес, Белка-Летяга и даже капитан Джек Воробей, который на всём скаку умудрялся пить джин прямо из горла квадратной бутылки.

Бутылка была настоящая, из под виски «Белая лошадь», а джин бодрячили прямо при мне из крепкого чая и сахара. В конце выступления Джек лихо поставил бутылку на судейский стол. Для выступления Джокера на шее серой кобылы чёрным маркером английскими буквами написали «Ха-ха». Но не все так хорошо понимают по-английски, поэтому из всех увидевших надпись каждый второй подходил и спрашивал: «А зачем вы на шее лошади написали "На-на"?» Джокер злился, но ему это по роли полагается.

Я в своём импровизированном испанском костюме смотрелась вполне скромно. К тому же – случилось всё, что могло случиться, и сломалось всё, что могло сломаться. Перед самым выступлением я так усердно складывала и раскладывала веер, проверяя, что в нужный момент ничего не заклинит, что мягкая проволока, на которой держался шнурок, просто переломилась, и мне пришлось в срочном порядке всё это ремонтировать. А потом порвалось моё кольцо средневековой дамы, купленное накануне на распродаже, но даже это не испортило мне настроения.

Сокол выступал в этот день пять раз и снова подтвердил свою железную выдержку. Все переволновались... Кроме меня. Это моё глобальное преимущество. Я слишком взрослая для всех этих соревнований и поэтому могу просто радоваться этому дню и каждому впечатлению, которое он несёт.

Выход. Взгромоздиться на коня в длинной юбке – ещё одна проблема. Благо, что в помощниках недостатка нет. И взгромоздили, и юбку расправили. А теперь представить вокруг не раскисший от грязи манеж, а огромный зал в средневековом испанском замке и танцевать так, как никогда в жизни. Рысь, остановка, приветствие с веером и лёгким поклоном, рысь налево, вольт налево, остановка, осаживание, при котором конь должен чётко сделать три шага назад, вольт налево, восьмерка, заезд, прибавленная рысь, два круга, которые нужно было пройти галопом, но из-за состояния грунта галоп отменили, и мы проходим их рысью. И наконец – финальный поклон.

Я не отыграла этот номер, я его прожила с полным осознанием уникальности момента и прелести бытия.

Потом была эстафета, в которой самое сложное было, сидя на коне, открыть импровизированные ворота, а потом закрыть их за собой. Мероприятие азартное и очень весёлое. Долгое ожидание, когда судьбы подписывали грамоты, и само награждение. Нам с Соколом дали третье место. И я солгу, если скажу, что меня это не порадовало.

А потом все, в том числе и кони, вздохнули свободно и снова занялись своими обычными рутинными делами: занятия, прокаты, прогулки.

Эпилог

В этот день у меня был Эмир. Я стала встречаться с ним чаще в последнее время. Весной, в апреле, у нас уже был опыт совместной прогулки, но его следует признать скорее неудачным. Сделав одну рысь, он встал намертво, и никакими методами мне не удалось сдвинуть его с места. Теперь, с августа месяца, дела пошли намного лучше. Он по-прежнему считает необходимым изгибать свою лебединую шею, выставлять уши, как будто это не уши, а рога, и старательно вытягивать повод у меня из рук. Но теперь он, по крайней мере, бегаёт. Обнаружила, что Эмир любит фотографироваться. Достала телефон: «Эмик, можно я тебя сфотографирую?» Останавливается, поднимает и поворачивает голову, обратно трансформирует свои рога в уши, позирует.

Вернувшись с конной прогулки, я обнаружила в конюшне новенькую. Она с восторгом и любопытством заглядывала во все денники, потом Ангелина показывала ей на Соколе, как надо чистить и седлать коня. Я шла мимо и тащила в амуничник широкое, как диван, тяжеленное эмиркино седло. Шла, слушала... и вдруг осознала: я умею ездить верхом. Я действительно добилась этого. Конечно, предела совершенству нет, и в международных соревнованиях мне участвовать не светит, но самое главное уже совершилось. Исполнилась детская мечта. И особая прелесть в том, что она не просто исполнилась, она продолжает исполняться!

Оглавление

I. Сокол.....	4
II. Браслет.....	6
III. Силвер-Рейн.....	8
IV. Лошадиные отношения.....	9
VI. Сказ о том, как рыжий конь по мостику ходил.....	13
VII. Бэтмен: начало.....	15
VIII. Бэтмен vs Супер-Я.....	17
IX. Соревнования.....	21
X. Эмир.....	26
XI. Зима пришла внезапно.....	27
XII. И снова апрель.....	31
XIII. Фламенко.....	35
Эпилог.....	37

На четвёртой странице обложки – рисунок Нади Рушевой.
Тираж – 50 экз.

Издательство «Ник без Компані»